
К. Цукерман

ХАЗАРСКИЙ ПРОЕКТ ХАСДАЯ ИБН ШАПРУТА В КОНТЕКСТЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ КОРДОВОЙ И КОНСТАНТИНОПОЛЕМ

Свидетельство географа Ибн Хаукала о встрече в Кордове поздним летом или осенью 948 г. с евреем-царедворцем Хасдаем ибн Шапрутом, ставшим для него важным источником сведений о Хазарии, позволяет опознать византийского посла, который, по словам самого Хасдая, первым рассказал ему о Хазарии. В самом деле, тем же летом или ранней осенью 948 г. три боевых корабля под началом внука Стефана доставили в Кордову имперского посла, внука Саломона, с которым, несомненно, общался Хасдай. Первую попытку Хасдая наладить связь с Хазарией, через Константинополь, побочным результатом которой стало появление так наз. «Кембриджского Анонима», следует, таким образом, связывать с ответным посольством Кордовского халифата, прибывшим в Константинополь осенью 949 г. и проведшим там зиму.

Ключевые слова: Хазария, Византия, Кордовский халифат, Хасдай ибн Шапрут, Ибн Хаукал

Многогранная фигура кордовского царедворца Хасдая ибн Шапрута (floruit circa 950 г.) постоянно притягивает исследователей. Не обошла ее вниманием и Татьяна Михайловна Калинина. Предметом ее недавней работы стало свидетельство географа Ибн Хаукала о полученных им от Хасдая данных о Хазарии и путях к ней, якобы добытых Хасдаем в результате самоличной туда поездки (Калинина 2018). Ибн Хаукал посетил Кордову в 948 г., и сообщение о его личной встрече с Хасдаем вполне правдоподобно, однако наличные биографические сведения о Хасдае сводят на нет вероятность его путешествия в Хазарию (Stern 1946. P. 145). Т.М. Калинина предлагает решение данного противоречия, к которому мы еще вернемся. Прежде, однако, следует рассмотреть ряд документов, связанных с усилиями Хасдая раздобыть сведения о Хазарии или, по удачному выражению Б.Е. Рашковского, с его «хазарским дипломатическим проектом».

I. БАРЖИ НА ДОНУ.

В одном из писем Хасдая, опубликованных Дж. Манном, а именно в послании византийской императрице (подробнее об адресате пойдет речь ниже), Н. Голб установил новое прочтение. Уже первый издатель письма сумел разобрать в нем упоминание «страны хазар» и просьбу предоставить кому-то, в нее направляющемуся, «корабли из (числа) царских кораблей». Голб же прочел следующее слово *rafsodot*, уточняющее характер запрошенных кораблей. Таким образом, пассаж читается «корабли из (числа) царских кораблей, (а именно) *rafsodot*» (Голб, Прицак 2003. С. 106–107).

Как справедливо указал Голб, под *rafsodot* имеются в виду вовсе не плоты, что соответствовало бы традиционному пониманию этого редкого слова в Библии, а “flat-bottomed boats of the type used on the Don-Volga river system” (Golb 2011. P. 1; сходные, но менее отчетливые формулировки можно найти и в более ранних его работах). Я же в свое время предложил интерпретировать именно как плоскодонки редкую греческую идиому *καμιατὲρὰ καράβια*, обозначающую в трактате «Об управлении империей» те суда, на которые пересаживается в Херсоне имперский чиновник Петрона Каматир, направленный в Хазарию, чтобы построить там каменную крепость, будущий Саркел (Zuckerman 1997. P. 213–214).

Идиома *καμιατὲρὰ καράβια* встречается в византийской письменности всего пять раз, исключительно в текстах, связанных с канцелярией императора Константина VII Багрянородного и его ближайших преемников. Она используется дважды в гл. II, 45 «Книги церемоний», посвященной подготовке похода 949 г. на Крит (о характере и соотношении обоих пассажей, восходящих к личной записи Константина VII, см.: Zuckerman 2018. P. 362–363); отсюда она заимствуется автором заключительной части книги VI Продолжателя Феофана, а из нее попадает в компиляцию Псевдо-Симеона. В этих текстах эта идиома используется для обозначения крупных транспортных судов, как эквивалент термина «памфил». Подобное понимание заложено уже в книге III Продолжателя Феофана, написанной при участии самого Константина VII, где справка о миссии Петроны, предназначенная для главы о Саркеле в трактате «Об управлении империей» и воспроизведенная в ней в своей первоначальной форме, дается в сокращенной парафразе (см. подр. со ссылками на источники и литературу: Zuckerman 2015. P. 92–97). Там *καμιατὲρὰ καράβια* парафразируются как *νῆες στρογγύλαι*, т. е. «округлые суда», нередкое обозначение памфилов, отражающее тот факт, что они были шире сходных по конструкции дромонов. Но, как я указывал в статье 1997 г., значение идиомы

в ее первом употреблении было иным. Петроне Каматиру не было смысла пересаживаться с дромонов на памфилы, обладавшие не меньшей осадкой, да и откуда бы тем взяться в Херсоне. Ему нужны были легкие плоскодонные суда, способные подняться, на веслах или волоком, несколько сот километров вверх по Дону. Более того, неологизм *καματηρὰ* (или *καματηρὰ*) *καράβια* явно обыгрывал прозвище Петроны — *Καματηρός*.

Остановимся особо на хронологическом аспекте изложенных наблюдений. Как известно, первые исторические справки, специально составленные для включения в трактат «Об управлении империей», датированы 6457 г. от сотворения мира, т. е. сентябрем 948 — августом 949 г. Работа над первыми четырьмя частями компендия, известного ныне как «Продолжатель Феофана», ведется на фоне готовящейся экспедиции против Крита, а пометка Константина VII на документе, описывающем подготовку к этой кампании, датируется весной 949 г. Два последних текста дают нам *terminus ante quem* для составления изначальной исторической справки, а поскольку содержащиеся в ней анахронизмы не позволяют видеть в ней выдержку из некоего древнего документа, отнесем ее *grosso modo* ко второй половине 948 г. Итак, в имперской канцелярии обсуждаются в это время условия путешествия в Саркел, и хоть они и не являлись, конечно, государственной тайной, эта деталь будет для нас небезынтересна.

Прочтение слова *rafsodot* послужило для Н. Голба поводом возродить идею о собственническом путешествии Хасдая ибн Шапрута в Хазарию, о котором упоминает Ибн Хаукал. Подобную возможность в свое время рассмотрел и убедительно отклонил Ш.М. Штерн, который впервые ввел свидетельство Ибн Хаукала в научный оборот (Stern 1946. P. 143–146). Уже после выступления Н. Голба его гипотезу оспорили Б.Е. Рашковский (2011) и Т.М. Калинина (2018), но поддержал А.С. Щавелев (2018). Однако из этой дискуссии выпала немаловажная деталь. Ничто в сохранившемся отрывке письма не говорит о том, что Хасдай просит баржи для себя, а при этом нам известен несомненный случай, когда он должен был их испрашивать у имперских властей для другого. Знаменитое письмо Хасдая хазарскому царю Иосифу содержит описание его предыдущей попытки наладить связь с царем через свое доверенное лицо, Ицхака бар Натана, который прибыл в Константинополь в составе посольства из Кордовы, но не был допущен властями продолжить путь в Хазарию и был вынужден вернуться восвояси (Кокцов 1932. С. 15, 64–65). Нет сомнения, что Хасдай снабдил Ицхака рекомендательными письмами, каковыми, очевидно, являлось и письмо императрице, и письмо «великому царю» (см. ниже); в них он должен

был испросить необходимые для путешествия суда. Тем самым, нет нужды в гипотезе о путешествии самого Хасдая в Хазарию для объяснения подобной просьбы.

И, наконец, последнее замечание, вытекающее из предшествующих, которое обретет в дальнейшем свой контекст. Хасдай ибн Шапрут, в далекой Кордове, оказывается на редкость точно осведомлен об условиях путешествия в Хазарию. Он знает не только, какой именно тип судна понадобится его посланцу. За его просьбой стоит также понимание, что добраться до Херсона можно и на обычных, достаточно регулярно ходящих туда судах, а вот продолжить оттуда путешествие в Хазарию без императорского содействия невозможно. Кто-то ему все эти детали сообщил.

II. К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ХАСДАЯ

Хронология «хазарской» корреспонденции Хасдая ибн Шапрута стала предметом недавней работы А.С. Щавелева (2018). Отметим, прежде всего, важное наблюдение автора относительно письма, адресованного «великому царю» (*ha-melech ha-gadol*), что соответствует византийскому императорскому титулу μέγας βασιλεύς. Это письмо следует в рукописи непосредственно за письмом императрице, и первоиздатель обоих документов Дж. Манн, опознавший в императрице Елену, без колебаний определил императора как ее супруга Константина VII Багрянородного. Однако Н. Голб, разбирая документы Генизы, отыскал фрагмент письма, непосредственно прилегающий к опубликованному Дж. Манном тексту, из которого следует, что у императора-адресата было два сына. Полагая, что у Константина VII был лишь один сын, Роман, Голб предположительно «переадресовал» послание Хасдая предшественнику Константина VII Роману I Лакапину (Голб, Прицак 2003. С. 105–107, 113), создав тем самым неразрешимые сложности в хронологии дипломатических сношений между Кордовой и Константинополем. О том, что у Константина VII был и другой сын, Лев, византинисты узнали сравнительно поздно, после выхода в свет английского оригинала совместной монографии Н. Голба и О. Прицака (1982), и именно на этот факт справедливо указал А.С. Щавелев. Таким образом, ничто не препятствует восстановлению Константина VII в роли адресата письма. Исследователь, правда, тут же выдвинул и альтернативную гипотезу, в его глазах предпочтительную, согласно которой письмо Хасдая было направлено сыну и преемнику Константина VII, Роману II, также отцу

двух сыновей (Щавелев 2018. С. 190). Мы увидим ниже, почему эту гипотезу следует отклонить.

Наряду с решением проблемы «великого царя» следует указать и на устаревшую датировку одного из посланий у А.С. Щавелева. Множественность вопросительных знаков в сводной таблице хронологии писем (Там же. С. 191) отражает гипотетичность предлагаемых датировок, и лишь один текст являет собой исключение: «письмо о военном походе византийцев на Сицилию», твердо датируемое 956 г. со ссылкой на первоиздание 1973/4 г. С тех пор, однако, осмысление и дата документа в корне переменялись. Фрагментарно уцелевшее письмо было убедительно соотнесено с сицилийским походом Георгия Маниака 20-х гг. XI в. (Zeldes 1988) и именно в этом качестве переиздано в корпусе еврейских документов раннесредневековой Сицилии (Ben Sasson 1991. P. 15–20). Таким образом, единственный документ с опорной поздней датой (Щавелев 2018. P. 187) из обсуждения выпадает.

После этих предварительных замечаний обратимся к общей аргументации автора. А.С. Щавелев (Там же. С. 187) ставит себе целью подвергнуть «критической проверке» датировки и идентификации, «предложенные еще в прошлом веке», в том числе и мной, корпуса дипломатических документов Хасдая ибн Шапрута, связанных с Хазарией. Скажу, что и в прошлом веке мы старались как могли, но проверка всегда полезна. Конкретно же А.С. Щавелев сдвигает в конец 50-х — начало 60-х гг. X в. документы и события, традиционно относимые к концу 40-х — началу 50-х гг. Проверим, в свою очередь, каковы к тому основания.

В письме императрице льстивый царедворец Хасдай пишет, что все в империи вершится по ее слову, и потому пытается выпросить именно у нее баржи для плавания в страну хазар. Лесть Хасдая принято связывать со свидетельством Иоанна Скилицы о влиянии императрицы Елены на принимаемые при дворе решения. А.С. Щавелев отвергает это свидетельство как позднее и сфабрикованное, хотя как раз для интересующей нас эпохи Иоанн Скилица обладал, как известно, хорошими источниками и потому зачастую более точен в описании событий, чем младший их современник Лев Диакон. На роль адресата письма А.С. Щавелев предлагает вдовствующую императрицу Феофану, номинально правившую после смерти мужа Романа с марта по сентябрь 963 г. Сам же император Роман II (959–963) выдвигается на роль «великого царя». Явные намеки в письме императрице на недавние гонения на евреев (засвидетельствованные в конце правления Романа I Лакапина) вызывают гипотезу о подобных гонениях и в царствование Константина Багрянородного, в других источниках не отмеченных. Признавая реальность путешествия

Хасдая в Хазарию, автор помещает его ок. 965 г., после письма «императрице Феофано» с просьбой о баржах (Там же. С. 190–192).

При оценке предложенных новых датировок следует применить критерий, который признает и сам А.С. Щавелев (Там же. С. 189), а именно приуроченности посланий Хасдая к известным посольствам из Кордовы в Константинополь. По сути, вопрос стоит о мере самостоятельности Хасдая в его дипломатической деятельности. Представления о ней в литературе зачастую преувеличены, как свидетельствует, например, утверждение, будто «Хасдай получил право составления писавшихся на иврите официальных посланий правителям других государств от имени <халифа Кордовы> ‘Абд ал-Рахмана III» (Рашковский 2011. С. 154). В посланиях, направляемых византийским правителям, Хасдай выступает от собственного имени, хоть и не упускает случая подчеркнуть свою близость к халифу. Подобного рода послания, вероятно, дублировавшиеся по-арабски, имели шанс на рассмотрение, если они поступали в дворцовую канцелярию как часть документов посольства. Идея же о личных эмиссарах Хасдая, направляемых к византийскому двору вне рамок официального дипломатического обмена, мне кажется далекой от реальности.

При всем богатстве наличных данных о византийских и испанских посольствах, а зачастую как раз из-за наслоения сведений в источниках, их датировка остается предметом дискуссии. Однако идея о направлении посольств из Кордовы в Константинополь в периоды правления Романа II и регентства Феофано (по логике А.С. Щавелева, оба письма должны были быть представлены разными посольствами), т. е. в 959–963 гг., никем ранее не выдвигалась. Таким образом, гипотетические атрибуции и датировки писем византийским правителям, предложенные А.С. Щавелевым, остаются без дипломатической привязки. Это уже является достаточной причиной предпочесть им традиционную датировку, приуроченную к известному посольству. Вновь утвердив в качестве адресатов императрицу Елену и Константина VII, мы восстановим и временное единство обоих посланий. Однако есть и еще одна веская причина, заключающая позднюю датировку послания с запросом о баржах.

А.С. Щавелев (2018. С. 189) предпочитает датировать 955–956 гг. послание Хасдаю, написанное в Константинополе, так наз. «Кембриджский Аноним» (или «документ Соломона Шехтера»), не исключая, впрочем, и аргументированную мной еще в прошлом веке датировку текста 949–950 гг. Недоверие к Анониму в современной российской историографии не знает границ, но вряд ли его разделял Хасдай ибн Шапрут. А ведь из этого текста он во всех подробностях узнал, что Византия и Хазария долгие годы пребывали в состоянии холодной

войны, недавно вылившейся в открытое столкновение, когда Византия спровоцировала нападение царя русов Олега на хазарское пограничье, а хазары, разбив Олега, вынудили его напасть на Константинополь, что вызвало, в свою очередь, гонения на византийских евреев⁵. Незнакомый с новейшей литературой Хасдай не имел оснований все эти сведения отвергнуть. Более того, как указано в тексте, послание было написано по запросу эмиссара его адресата (будь то Ицхак бар Натан или иной), который, без сомнения, прояснил и на словах отношение византийских властей к Хазарии. При его богатом дипломатическом опыте от Хасдая бы не укрылось, *после получения послания*, что обращаться, причем в качестве частного лица, к византийским правителям за помощью в организации путешествия в Хазарию было бы бесполезно.

III. ДВЕ ВСТРЕЧИ В КОРДОВЕ В 948 г.

Однако, если уж проверять, то до конца. В самом конце прошлого века я опубликовал работу о путешествии княгини Ольги в Константинополь и о хронологии испанских посольств (Zuckerman 2000), которая от российских исследователей почти полностью ускользнула. В целом же обсуждение хронологии посольств шло своим чередом, и хотя здесь нет места для подробного обзора, весьма полный (на 2013 г.) анализ литературы содержится в статье, посвященной кордовскому халифу 'Абд ар-Рахману III, в «Просопографии средневизантийского периода» (PMBZ. № 20018). Достаточно широкое признание получила моя идея о том, что осенний прием испанского посольства, описанный в «Книге церемоний» (кн. II, гл. 15), следует датировать 946 г. Больше споров вызвало утверждение, что именно это посольство знаменовало собой возобновление дипломатических сношений между Кордовой (которой принадлежит, таким образом, инициатива) и Константинополем после более чем столетнего перерыва. Ответное византийское посольство почти повсеместно датируется 948 г., как предлагалось и ранее. Наконец, не вызывала и не вызывает сомнения датировка осенью 949 г. испанского посольства, описанного Лиутпрандом Кремонским, который прибыл в византийскую столицу одновременно с испанцами. С этим

⁵ Лишь непреодолимой традицией недоверия к «Кембриджскому Анониму» я могу объяснить позицию А.С. Щавелева (2018. С. 188), который, пренебрегая прямым указанием источника, полагает причиной гонений то, что «Роман I Лакапин резко постарел» и «по каким-то причинам экзистенциальные проблемы приводили <его> к мысли о необходимости принудительного крещения иудеев».

посольством, проведенным в Константинополе зиму 949/50 г., я и связывал составление ныне анонимного (за утерей начала) послания Хасдаю.

К истории посольства 948 г. можно добавить небольшую деталь, которая двадцать лет назад от меня ускользнула. В начале гл. 45, кн. II «Книги Церемоний» приводится диспозиция византийского флота на момент отбытия критской экспедиции, т. е. весной 949 г., в которой три экипажа числятся как откомандированные в Испанию под началом остиария и нипсистиария Стефана (Zuckerman 2020. P. 318–319, avec p. 15). Из этого вытекает (сомнения автора статьи «Stephanos» PMBZ. № 27263 беспредметны), что дворцовый евнух Стефан был командиром небольшой эскадры, доставившей в Кордову имперского посла, евнуха Саломона («Salomon / Salemon» PMBZ. № 26971), летом 948 г. и к весне 949 г. еще, естественно, не вернувшейся из-за прекращения навигации осенью и зимой.

А теперь самое время вновь обратиться к свидетельству Ибн Хаукала, с которого мы начинали. По его словам, он посетил Кордову в начале 337 г. х. (начинается 11 июля 948), иными словами, ровно тем же летом или осенью, когда туда прибыло византийское посольство. О путешествии Хасдая в Хазарию Ибн Хаукал упоминает в связи с тем, что тот много рассказывал ему о ней и о сопредельных странах Кавказа. Как справедливо указал Ш.М. Штерн (1946), эти воспоминания географа содержатся в примечании к карте, написанном долгие годы, возможно, тридцать лет спустя после посещения Кордовы, и он мог многое напутать. Как справедливо подметила Т.М. Калинина, «ссылка Ибн Хаукала на Хасдая ибн Шапрута показывает, что последний был и для нашего географа весьма примечательной и важной фигурой, упомянуть о знакомстве с которой было для него и важно, и почетно» (Калинина 2018. С. 134). Но для нас сейчас главное другое. По словам самого Хасдая, он узнал о Хазарии как о могущественной державе, исповедующей иудаизм, от византийского посла (Коковцов 1932. С. 14–15, 63–64). Можно ли, при учете свидетельства Ибн Хаукала, сомневаться в том, что этим послом был именно Саломон, глава первого (из двух или трех) византийского посольства в Кордову?

Легко вообразить, с каким воодушевлением Хасдай ибн Шапрут пересказывал осенью 948 г. любознательному гостю Ибн Хаукалу свежеполученные сведения о Хазарии. Немудрено, что тот много лет спустя припоминал, будто Хасдай и сам там побывал. Посол Саломон был, без сомнения, горд тем, что нашел сюжет, который привлек внимание и снискал ему благоволение влиятельного царедворца. Когда же год спустя в Константинополь явился Ицхак бар Натан с рекомендательными письмами от Хасдая и просьбой переправить его в Хазарию, наш посол, возможно, схлопотал выговор за излишнюю болтливость. Но как бы то ни

было, свидетельство Ибн Хаукала достоверно определяет византийского посла, рассказавшего Хасдаю о Хазарии, и тем самым дает все основания полагать, что первая попытка Хасдая наладить связь с Хазарией, через Константинополь, имела место именно в контексте посольства 949 г.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М., 2003. [*Golb N., Pritsak O. Khazarско-yevreyskiye dokumenty X veka (Khazarian Hebrew Documents of the 10th Century)*. Moscow, 2003.]
- Калинина Т.М. Ибн Хаукал и Хасдай ибн Шапрут // ВЕДС. Вып. XXX: Юбилейные Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2018. С. 130–134. [*Kalinina T.M. Ibn Khaikal i Khasday ibn Shaprut (Ibn Hawqal and Hasdai ibn Shaprut) // Vostochnaya Yevropa v drevnosti i srednevekov'ye. Vol. XXX. Yubileynnye Chteniya pamyati chl.-korr. AN SSSR V.T. Pashuto. Moscow, 2018. S. 130–134.*]
- Кокотцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. [*Kokotsov P.K. Yevreysko-khazarская perepiska v X v. (Hebrew-Khazarian Correspondence in the 10th century)*. Leningrad, 1932.]
- Рашковский Б.Е. Хасдай ибн Шапрут и Абу-л-Касим ибн Хаукаль: хазарская дипломатия еврейского сановника в арабском географическом трактате // Українська орієнталістика: спеціальний випуск з юдаїки. Київ, 2011. С. 154–169. [*Rashkovskiy B.Ye. Khasday ibn Shaprut i Abu-l-Kasim ibn Khaikal': khazarская diplomatiya yevreyskogo sanovnika v arabском geograficheskom tractate (Hasdai ibn Shaprut and Abu'l-Qasim Ibn Hawqal: Khazarian Diplomatic Affairs of Jewish Grandee in Arabic Geographical Treatise) // Ukraїns'ka oriєntalistika: spetsial'niy vipusk z yudaїki. Kyїv, 2011. S. 154–169.*]
- Щавелев А.С. Датировка дипломатических писем Хасдая ибн Шапрута // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 5. С. 186–195. [*Shchhavelev A.S. Datirovka diplomaticheskikh pisem Khasdaya ibn Shapruta (The Dates of Hasdai ibn Shaprut's Diplomatic Letters) // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4: Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya. 2018. T. 23, № 5. S. 186–195.*]
- Ben-Sasson M. Yehudey Sicilia. 825–1068: Teudot u-meqorot. (The Jews of Sicily, 825–1068. Documents and Sources). Jerusalem, 1991.
- Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca, 1982.
- Golb N. The Caliph's Favorite. New Light from Manuscript Sources on Hasdai ibn Shaprut of Cordova. Publication of the Report. Cambridge, 2011.
- PMBZ — Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. URL: <https://www.degruyter.com/view/db/pmbz> (последнее обращение: 20.10. 2020)

- Stern Sh.M.* Shtey yediot hadashot al Hasday ibn Shaprut [שתי ידיעות חדשות על חסדאי] [אבן שפרוט] (Two New Data about Hasdai b. Shaprut) // *Zion*. 1946. Vol. 11. P. 141–146.
- Zeldes N.* *Teudat gnizah al yehudey Siciliah bi-tqufah ha-aravit* – ha-arahah me-khudieshet [תעודת גניזה על יהודי סיציליה בתקופה הערבית — הערכה מחודשת] (A Geniza Letter Pertaining to the History of Sicilian Jewry in the Muslim Period — A Reevaluation) // *Zion*. 1988. Vol. 53. P. 57–64.
- Zuckerman C.* Two Notes on the Early History of the *Thema of Cherson* // *Byzantine and Modern Greek Studies*. 1997. Vol. 21. P. 210–222.
- Zuckerman C.* Le voyage d’Olga et la première ambassade espagnole à Constantinople en 946 // *Travaux et Mémoires*. 2000. Vol. 13. P. 647–672.
- Zuckerman C.* On the Byzantine *Dromon* (With a Special Regard to *De cerim. II. 44–45*) // *Revue des études byzantines*. 2015. Vol. 73. P. 57–98.
- Zuckerman C.* Campaign Blueprints of an Emperor, Who Never Campaigned in Person: Constantine VII’s Treatises on Imperial Expeditions and *De cerim. II. 45* (With a Special Regard to the Theme Charpezikion) // *Constantinople réelle et imaginaire: autour de l’œuvre de Gilbert Dagron*. *Travaux et Mémoires*. 2018. № 22/1. P. 341–382.
- Zuckerman C.* (éd. trad.). Chapitres 44–45 // *Constantin Porphyrogénète*. *Le Livre des Cérémonies / Sous la dir. de G. Dagron et B. Flusin*. Vol. III. Livre II. Paris, 2020. P. 294–341.

Constantin Zuckerman

THE KHAZAR PROJECT OF HASDAI IBN SHAPRUT IN THE CONTEXT OF THE DIPLOMATIC TIES BETWEEN CORDOBA AND CONSTANTINOPLE

The testimony of the geographer Ibn Hawkal about a meeting in Cordoba, in late summer or autumn of 948, with the Jewish courtier Hasdai ibn Shaprut, who became for him a major source on Khazaria, allows us to identify the Byzantine ambassador, who, according to Hasdai himself, was the first to tell him about Khazaria. Indeed, in the same summer or early autumn of 948, three warships under the command of the eunuch Stephen brought to Cordoba the imperial ambassador, the eunuch Salomon, with whom Hasdai undoubtedly communicated. Hasdai’s first attempt to establish contact with Khazaria, through Constantinople, the by-product of which was the emergence of the so-called “Cambridge Anonymous”, should thus be associated with the return embassy of the Cordoba Caliphate, which arrived in Constantinople in the fall of 949 and spent the winter there.

Keywords: Khazaria, Byzantium, Cordoba Caliphate, Hasdai ibn Shaprut, Ibn Hawkal

DOI: 10.32608/1560-1382-2021-42-448-457